

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ИСТОРИИ.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2023/2024 уч. год

БЛАНК ЗАДАНИЙ
11 КЛАСС

Задание 1 (тестовое).

1.1. По краткой биографической заметке узнайте русского писателя второй половины XIX века. Впишите его фамилию в бланк ответа.

Он родился в Москве, в благополучной семье адвоката, закончил Первую Московскую гимназию и долгое время работал в московских судах. Наблюдения над поведением людей в суде стали основой для первой комедии, которую этот писатель создал в 1847 году. Текст комедии писатель читал в литературных салонах Москвы и заслужил славу восходящего светила русской драматургии. В 1853 году в Малом театре впервые была поставлена пьеса этого писателя и на долгие годы Малый театр стал домом для него.

1.2. Узнайте литературных персонажей по портрету, назовите их автора и произведение, где они «живут»:

А. «Длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, лицо оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум. Его темно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей просторного черепа».

Б. «Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока. Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки».

В. «За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду».

Задание 2 (аналитическое)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Андрей Битов

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ БАХА

Это было в 1988 году, еще при советской власти, но уже повядшей настолько, что брел я, не зная зачем, по Копенгагену: то ли пива попить, то ли пресловутую андерсеновскую русалочку наконец увидеть, то ли и то и другое... Погодка была знатная, любимая, северная — ни дождика, ни солнца. Хорошо, что я один! Я не хотел воссоединиться с группой советских поэтов (каждый из которых был уже подчеркнуто несоветским, а один, как оказалось при отъезде, даже сбежал, обретя любовь с первого взгляда). Не нужен мне был никто, когда я был остановлен радостным окликом.

Притормозив свой мопедик, меня бросился обнимать полужнакомый человек. Радость его была неподдельна, даже родственна. Родственной она в какой-то степени и оказалась: в моей оболочке он обнимал дедушку своего сына. Александр Александрович был моим ближайшим другом. У него я, выходит, этого зятя и видел. Я очень запомнил нашу первую и единственную встречу. Это было хоть и кухонное, но сильное музыкальное впечатление.

Было это, скорее всего, на святки. Мы сидели с Сан Санычем и попивали на его счастливой великановской кухоньке, когда к нам ввалились двое ряженых. Были они моложе, пьянее и веселее нашего. Один достал флейту и, весьма простодушно изобразив пастушка, стал вытягивать достаточно сложную тему, другой же стал аккомпанировать ему как ударник на всем, что у нас оказалось в ту минуту на столе: на пустых стаканах и бутылках, на вилках и ложках и даже на соленых огурцах и квашеной капусте. Оба были неподдельно музыкальны, и получалось у них здорово. Мы с Сан Санычем аплодировали и подливали артистам вполне заслуженно. Одного из них (того, что играл на огурцах) повстречал я однажды в Нью-Йорке, и мы почти не узнали друг друга; другого (что на флейте) — вот, в Копенгагене.

Я был рад флейтисту.

Он и тогда мне понравился (как музыкант), а сейчас — еще больше: так он был похож на собственного сына, которого я видел почти каждую неделю, а он, возможно, два-три раза в жизни, когда тот только появился на свет. Мальчику уже было скоро в школу идти. Саша (я не помнил, как его зовут, но по ходу его расспросов выяснил, что так же, как сына, а сына — так же, как его) сердечно расспрашивал меня про всех, про дедушку и бабушку, искренне радовался, что его жена Маша удачно замужем и что у его Саши уже появился сводный брат, — в общем, была в нем та удивительная нежность плохого отца, которой так не хватает хорошим родителям. Он ни за что не хотел меня отпускать. Он был рад, что у меня тут же нашлось на бутылку (у него не было ни копейки, или чего там у них — цента). Однако здесь было не принято пить из горла и на улице, но это был для него не вопрос. Он тут же бросил свой мопедик, никак не запирая (да кому он здесь нужен!), и мы, по-советски игнорируя переходы, трафик и трамвайные пути, двинулись напротив, на красный свет. Перед нами возрастало тяжкое, серое тело огромного храма (оказалось, королевской капеллы). Саша достал из кармана непомерный кованный ключ.

История его была печальна. Я припомнил рассказы Розы, его тещи (только тещи способны так одновременно любить и не любить своих зятьев), какой он непутевый и талантливый (любимый ученик легендарной пианистки Марии Юдиной, знаменитой своей неподкупностью и требовательностью), непростительно забросивший учебу, короче,

“закопавший талант”. К тому же вовсе не еврейская у него была фамилия, а самая что ни на есть аристократическая; у него даже сохранилась (до сих пор не пропитая) фамильная шпага древнего швейцарского рода, которому, в свои века, принадлежал один из маленьких миленьких кантонов. С этой шпагой он и свалил от призыва в “доблестную” за ее пределы; шпагу и фамилию признали, но кантон сохранил самостоятельность. Делать ему в Швейцарии оказалось нечего, и вот он в Копенгагене. Подрабатывает органистом по окраинным соборам. Дело в том, что “без бумажки ты букашка”, особенно здесь: у него нет диплома об окончании консерватории. И вот он уже, кажется, на третьем, нет, на втором курсе. Но зато! Зато он встретил меня. Зато у него есть ключ от королевской капеллы, которая используется по назначению крайне редко, лишь по случаю разного рода тезоименитств, и этот ключ предоставляется студентам консерватории для самостоятельных упражнений. И орган здесь замечательный!

В храме было полутемно и гулко, и в проходе стояли почему-то козлы, на которых очень удобно было распивать нашу бутылку. Я увлекся обстановкой, он — воспоминаниями, настроение стало возвышенным, и я попросил его что-нибудь сыграть. “Что ты хочешь?” — готовно откликнулся он. “Ну, что-нибудь из Баха”, — заказал я небрежно. “Что именно?” — “Что хочешь”. Он вскарабкался, как паучок, куда-то высоко; я остался у козел сторожить полбутылки.

Заиграл он сразу, без настройки. Сначала я слушал как обычно, не впервой пересчитывая органские трубы и размышляя, почему они не кратны числу нот, вспоминая из Владимира Федоровича Одоевского (друга Пушкина и первого нашего музыковеда), как четырнадцатилетний Бах на конфирмации впервые увидел и услышал орган и сбежал ночью из-под опеки своего сурового брата, забрался в храм и ползал за трубами в пыли, среди трупиков мух и паучков, устал, мальчик, уснул, и приснилась ему, ни мало ни много, “музыка сфер”, устройство мира.

В устройство мира я и попал.

О, это нельзя описать! Когда русский советский человек в Копенгагене стоит один посередине королевского собора с бутылкой в руке, а из-под купола на него снисходят божественные аккорды мессы! Права была Юдина: у нее вырос великий второгодник! Музыка росла, исчезала, вспыхивала, мерцала... это был Бах! Мне не стыдно, у меня и сейчас глаза на мокром месте. Счет времени потерялся, но вдруг Бах как-то плавно и невидимо искажился, поплыл... вбок, вверх и опять вбок... приблизился ко мне, к этой вот секунде, стал совсем уж мною, это был уже и не Бах. Я принимал его даже ближе к сердцу, чем того, которого так любил (в исполнении Глена Гульда). Я отнес это чувство за счет, теперь уже неоспоримой для меня, Сашиной яркой индивидуальности. Тема перелетела Баха, будто Моцарт, но Моцарт проскочил, споткнувшись о раннего Россини, со странным привкусом Телониуса Монка, и тут же как бы выпала в Россию, чуть ли не в Мусоргского с неожиданной примесью танго Пьяцоллы и чуть ли не “Битлз”... в общем, все то, что я мог узнавать из любимого мной, пропало в этом смерче, и это был, конечно, тот же Бах, но мгновенно поглотивший все, всю будущую музыку, — не Бах, тянущийся к небу, а Бах, слышимый с небес. Но музыка и доносилась сверху, спокойно располагаясь в новом пространстве: голова моя была как храм. Все объемы совпали, не стало ни стен, ни кожи: Бах мог бы такое написать, просто я не знал. В конце концов, я мало знаю и плохо разбираюсь в музыке. Однако счастье было полным. Я был не в силах вынести такой музыки. Я неуклюже карабкался по узкой лесенке, бутылкой утирая слезы. С каждой ступенькой музыка все сильнее наступала на меня. Никогда меня здесь не бывало, да и быть не могло! Оглушенный, я оказался за его спиной. Спина была кривой и кривой, плечи хлопали, как крылья ворона или ангела. Орган тяжело сопел, как перед последним издыханием. Грубый расшатанный пол

давно не подметался и был усыпан невнятными серыми щепками, как отколовшимися звуками. Большой серый паук болтался в сердцевине инструмента, не в силах выпутать своих рук и ног (их у него было не меньше восьми) из педалей и клавиш и, как мне показалось, даже веревок. Он был брит и слеп, нижняя губа его отвисла, с дополнительным звуком он втягивал в себя слюну.

Я не дышал...

Наконец он дернулся в последнем аккорде, голова его упала на грудь, и он бессильно повис на всей сотканной им паутине.

Вдруг отряхнулся как ни в чем не бывало и очень обрадовался, что я уже здесь, и не один, а с бутылкой. Ну как? — легко спросил он, и это был тот самый Саша (я, впрочем, только теперь обратил внимание, что он коротко стрижен). Я стал лепетать свои бессмысленные восторги. Мы допивали, посматривая сверху на козлы, с которых начали. “Послушай, а что это было?! Ну, когда ты там...” Я попробовал хоть как-то описать то место, с которого начался другой Бах, но он меня понял. “Так это я импровизировал”. — “Это был не Бах?!” — “Да так, что пришло в голову”. — “Но ты помнишь хоть, что ты играл?!” Он лишь отмахнулся. “И ты это никак не записал?!” Я пошарил взглядом вокруг в надежде увидеть магнитофон, хотя уже знал, что здесь его не могло быть. “Так я же это для тебя играл”. Он подчеркнул это для тебя, но в тоне его не было и ноты царственности.

Бутылка сделалась пуста. Мы вышли из собора, он запер его; он нашел на месте свой брошенный мопедик, и мы продолжили. Среди прочего он рассказал мне следующий сон, который видел однажды в юности.

Будто он бредет по узкой улочке средневекового среднеготического города (никаких европейских впечатлений у него тогда еще быть не могло в условиях СССР) и вдруг отчетливо понимает, что именно в этом вот доме живет сам Иоганн Себастьян Бах. Не жил, а живет. Сей-час. Разница в эпохах его нисколько не смущает, и, преодолев робость, он решительно стучится в дверь. Дверь открывает суровая статная фрау с добрым лицом (или, наоборот, добрая фрау с суровым) и не прогоняет его, а проводит в гостиную: пусть гость подождет, пока маэстро занимается. Фрау удаляется, и он усаживается на краешек стула, внимательно впитывая опустевший небогатый интерьер, все больше убеждаясь в его неподдельности. Так он сидел. Судя по тому, что из соседней комнаты доносились разошедшиеся звуки клавесина, сползавшиеся в отчетливые, знакомые отрывки, прерываемые молчаливым шуршанием (по-видимому, записью), он уже был уверен, что точно, попал по адресу. Он попал не только по адресу, но и в тот момент! Он успел! В соединении фрагментов он узнавал его последнюю мессу. Баху уже недолго оставалось. Наконец пауза продлилась дольше обычного, двери распахнулись, и в комнату вошел как бы оцупью, как слепой, со стриженной налысо головой, беззубый, пухлый старик в халате. В халате не в халате, но в чем-то очень домашнем и затрапезном. Оплывший, как свеча.

И это был вовсе не Бах!

Все заготовленное вылетело у Александра из головы, и ему совершенно нечего было сказать. К тому же оказалось, он не знал по-немецки. Они вежливо покивали друг другу, и он очутился на той же улочке и только тогда вспомнил, что где-то читал, что Бах посадил себе зрение еще в детстве, когда, тайком от брата, переписывал при лунном свете запрещенные ему другие ноты, кроме той фуги, что приказано ему было целыми днями играть на клавесине взад и вперед, отрабатывая технику; что с возрастом, совсем теряя зрение, перенес он и несколько операций на глазах (выходит, и тогда они были, а не только у нас при Федорове и лазерах), что... и эта догадка поразила его больше всего: не мог же он и дома ходить в парике! а носить парик, поди, вообще жарко... вот и стриглись наголо!

И тогда до него окончательно дошло, что встретил он самого настоящего Баха, потому что никогда такой детали, как лысая голова, не мог бы выдумать.

И мне не потребовалось иных доказательств.

Не помню, чем, где и как закончился тот прекрасный день. Нетрудно вообразить. Где-то Саша снова играл на огурцах и стаканах, вспоминая молодость.

Куда делась живая музыка? Куда возвращается музыка, сыгранная единственный раз?..

Я вернулся в Россию, Саша и Бах остались в Копенгагене. Так однажды я встретил человека, которому, по приблизительным расчетам, было триста лет. Теперь уже на двадцать больше, так что он сам уже дедушка.

Надеюсь, он окончил консерваторию.

23 февраля 2007, Лорен.

Выполняя целостный анализ произведения А. Битова, примите во внимание следующие особенности его содержания: особенности пространственно-временной структуры (прошлое-настоящее); символику образа паука, композиционные особенности рассказа (значение сна персонажа), музыкальный контекст рассказа.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Давид Самойлов **ЗРЕЛОСТЬ**

Приобретают остроту,
Как набирают высоту,
Дичают, матереют,
И где-то возле сорока
Вдруг прорывается строка,
И мысль становится легка.
А слово не стареет.

И поздней славы шепоток
Немного льстив, слегка жесток,
И, словно птичий коготок,
Царапает, не раня.
Осенней солнечной строкой
Приходит зрелость и покой,
Рассудка не туманя.

И платят позднею ценой:
«Ах, у него и чуб ржаной!
Ах, он и сам совсем иной,
Чем мы предполагали!»
Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал, -
Кому не помогали!

Выполняя комплексный анализ стихотворения Д. Самойлова, обратите внимание на различные смысловые характеристики жизненного периода зрелости человека. Как связана зрелость и творчество в сознании лирического субъекта, сколько точек зрения в тексте стихотворения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 3 (творческое).

Письмо другу

Представьте, что Павел Петрович Кирсанов пишет письмо своему другу в Париж, описывая приезд племянника и его друга Базарова, помогите ему. Учитывая особенности его характера, манеру говорить, вести себя, сформируйте текст письма.